

ОБРАЗ ОРФЕЯ В КУЛЬТУРЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Рассматриваются характерные черты образа легендарного музыканта и певца Орфея, обеспечившие его исключительную популярность в культуре Возрождения. Для гуманистов Возрождения Орфей стал идеалом, символизирующим собой мудреца и пророка, ведущего за собой тех, кто ищет религиозную и философскую истину; музыкантом и поэтом, способным магическим образом влиять на природу и людей, привнося в мир гармонию; оратором, способным силой своих доводов смягчить нравы и приобщить людей к добродетельной и общественно полезной жизни.

Ключевые слова: Возрождение; гуманизм; риторика; Орфей.

Среди мифологических героев древности, популярных в культуре Возрождения, особое место занимает легендарный музыкант и певец Орфей, который своей игрой на лире, а также своим пением очаровывал не только людей, зверей и птиц, но заставлял передвигаться деревья и камни. Внимание к Орфею в этот период было обусловлено прежде всего тем, что герой служил идеальным образом для гуманистов в их дискуссиях о возможности и необходимости совершенствования человека и общества. Немалую роль в популярности Орфея играла также многоликость его образа – музыканта, поэта, теолога, оратора и влюбленного.

Из мифов, связанных с Орфеем, самым известным является миф о его любви к трагически погибшей жене Эвридики. Оплакивая смерть Эвридики, укушенной змеей во время свадебных торжеств, Орфей спустился в царство мертвых и, очаровав своим пением Аида и Персефону, добился разрешения вывести Эвридику на землю к живым. Однако из-за собственной неосторожности Орфей нарушил запрет, наложенный владыкой Аидом, гласивший, что Орфей не должен оглядываться на жену до тех пор, пока они не выйдут окончательно из царства теней. Орфей не сдержался, оглянулся, взглянул на Эвридику и потерял ее навсегда. В отчаянии он стал ненавидеть женщин и поплатился за это тем, что во время празднества, посвященного Дионису, был растерзан неиствующими вакханками. После трагической гибели Орфея боги решили превратить его золотую лиру, подаренную ему его отцом богом Аполлоном, в созвездие.

Этот миф был хорошо известен в Древней Греции. Он упомянут, в частности, в пьесе Эврипида «Алкеста» и диалоге Платона «Пир». Однако Орфей-возлюбленный интересовал древних греков меньше, чем Орфей – основатель эзотерического тайного учения, повлиявшего по легенде на учение Пифагора о числовых соответствиях, лежащих в основе гармонического устройства вселенной.

В эллинистический же период тема романтической любви Орфея и Эвридики приобрела значительно большую популярность, и трагическая развязка мифа привлекла внимание Вергилия и Овидия. Средневековые авторы описывали Орфея как «самого верного влюбленного» [1. С. 147]. Христианские комментаторы Овидия расширили представление об античном герое, связав его образ с риторикой, преподавание которой возобновилось в появившихся в Западной Европе университетах. Орфей приобрел черты мудрого и красноречивого человека, который способствовал возникновению цивилизации, организуя варварское население с помощью красноречия [2. С. 49].

Также его образ, благодаря пасторальным мотивам мифа и сошествию Орфея на поиски Эвридики в царство мертвых, стал сближаться с образом Христа-Пастыря и с образом Христа, спускающегося в ад и преодолевающего смерть. Так, раннехристианские изображения Иисуса Христа, представляющие его юным, безбородым пастухом, сидящим в окружении овец и держащим лиру, восходят к образу Орфея. Средневековые авторы проводили параллель между магией музыки Орфея и умиротворяющим воздействием Божественного Слова.

Миф об Орфее и орфизм в целом вызвали интерес у итальянских неоплатоников, поскольку, прежде всего, помогли им сблизить между собой языческую культуру древности и христианство. Учение орфизма дошло до эпохи Ренессанса во фрагментах, встречающихся в текстах у античных и раннехристианских авторов, таких, например, как историк церкви Евсевий Кесарийский и древнегреческий философ-неоплатоник Прокл; в орфических гимнах, созданных во II или III вв.; а также в поэме IV в. «Аргонавтика», написанной под влиянием «Аргонавтики» Аполлония Родосского. Флорентийский неоплатоник Марсилио Фичино и его последователи подчеркивали, что в орфизме заключены элементы монотеизма, а также есть намеки на триединство божества и картину создания мира, близкую той, что изложена в Библии. В пример приводились орфические тексты, в которых Орфей открывает своему ученику, что есть лишь один правитель вселенной, и это – Божественное Слово [3. С. 110].

Установить связь между Библией и орфизмом пытался последователь Фичино французский лингвист и поэт Ги Бодери де Лефевр (1541–1598), написавший поэму, в которой он сопоставил фрагменты орфических гимнов и псалмов для того, чтобы показать, что единый Бог вдохновил как Орфея, так и царя Давида [3. С. 101].

Орфей, таким образом, оказался одной из нитей, связующих язычество и христианство. Языческая культура стала восприниматься не как нечто враждебное и опасное для верующих, а как имеющая в себе ростки религиозной истины. Христианство же – это продолжение религиозного поиска древности, результат естественного эволюционного процесса, зависящего в своем развитии от учений нескольких гениев, обладавших высшим знанием, таких как Авраам, Моисей, Зороастр, Гермес Трисмегист, Орфей, Пифагор и Платон [4. С. 142]. Следовательно, помимо Библии и христианской традиции, человек, ищущий истины, может обращаться к учению мудрецов древности.

Неоплатоники также ценили орфизм за его предположительное влияние на пифагорейское учение о гармонии вселенной. Особо важную роль в постижении гармонии космоса и достижению согласия в душе человека, по мнению Марсилио Фичино, играла музыка. Он писал, что музыка, гармонизируя диссонансы в душе человека, являющиеся результатом ее соединения с телом, может быть использована для подготовки человека к философскому или религиозному созерцанию [3. С. 101].

В биографии Фичино, написанной в 1506 г. флорентийцем Джованни ди Бардо Корси (1472–1547), говорится о том, что Фичино любил исполнять орфические гимны, аккомпанируя себе игрой на лире. Он, так же как и Джованни Пико делла Мирандола, верил в магическое воздействие этих песнопений. Пико, например, утверждал, что «ничто не является более эффективным в естественной магии, чем гимны Орфея, если использовать подходящую музыку, умственную концентрацию и другие меры, известные мудрым людям» [4. С. 135].

Фичино в письме, написанном в сентябре 1462 г. и адресованном неофициальному правителю Флоренции Козимо Медичи, рассказывает, как он несколько дней перед этим пел орфический гимн Космосу и затем через какое-то время получил письмо от Козимо, в котором тот объявлял о своей щедрой поддержке научных занятий Фичино.

Таким образом, Козимо как бы ответил на просьбу, заключенную в гимне, обращенному Космосу. Хотя Фичино в письме и обыгрывал похожее звучание слов «Космос» и «Козимо», тем не менее нет сомнений в том, что он искренне полагался на действенность орфических песнопений [5. С. 101]. Известно, что на лире Марсилио Фичино было изображение Орфея, а Лоренцо Великолепный (1449–1492) и Анджело Полициано (1454–1494), гуманист и поэт при дворе Медичи, сравнивали Фичино с легендарным героем [6. С. 41].

Лира Орфея, изобретенная Гермесом, а затем отданная им по легенде Аполлону в обмен на стадо коров, стала символом гармонического устройства вселенной и золотого века – эпохи благоденствия и мира. Знаменитый римский ритор Марк Фабий Квинтилиан в первой книге «Риторических наставлений» писал, что Пифагор и его последователи считали вслед за древними, что «сам мир не иначе сотворен, как посредством приятного созвучия, коему впоследствии лира подражать стала» [7. С. 54].

«Иероглифика» – текст о значении египетских иероглифов, составленный по преданию Гораполлоном в IV–V вв. н.э., привезенный во Флоренцию в 1419 г. и хорошо известный флорентийским гуманистам, описывал иероглиф «миротворца» следующим образом: «Как изобразить человека, который обладает возможностью достичь согласия между людьми и привлечь их к себе. Когда они (египтяне) изображали человека, знающего как привлечь и привязывать к себе людей, преодолевая их сопротивление, то они изображали лиру, поскольку лира способна создавать гармонию, преодолевая напряжение струн» [6. С. 46]. Поэтому не случайно, что Орфей с лирой стал олицетворять собой и гармонию мира, и мудреца, способного установить эту гармонию на земле.

Образ Орфея-музыканта был неразрывен с образом Орфея-поэта. Неоплатоники и их последователи культивировали идеал поэта, наделенного Божественным даром, способного проникать в тайны человеческой души и мира высшего, обладающего магическим воздействием не только на людей, но и на природу. Поэт с помощью своего искусства способен зажечь сердца людей, пробудить в них желание благих перемен, привести начала цивилизации. Гуманисты утверждали, что уроки поэзии, надлежащим образом интерпретированные, достигают понимания истины в той же мере, что и уроки философии, но, поскольку поэзия ведет к наслаждению в то время как наставляет, то поэт является лучшим моральным наставником, нежели философ [8. С. 67]. Они ценили также возможность поэзии говорить иносказательно, порождать сложные ассоциативные связи у слушателей и обращаться не только к их разуму, но и к интуиции [9. С. 607].

Уже в древности образ Орфея связывался с цивилизующей ролью искусств. Знаменитый римский поэт Гораций в «Искусстве поэзии» (391–401) писал:

Первым диких людей от грызни и от пищи кровавой
Стал отвращать Орфей, святой богов толкователь;
Вот почему говорят, что львов укрощал он и тигров,
И Амфион, говорят, фиванские складывал стены,
Двигая камни звуками струн и лирной мольбою
С места на место ведя. Такова была древняя мудрость:
Общее с частным добро разделять, со священным мирское,
Брак узаконить, конец положив своевольному блюду,
И укреплять города, и законы писать на скрижалях.
Вот откуда пришел почет к пророкам-поэтам
И к песнопениям их!

[10. С. 31].

Произведение Горация было хорошо известно в Италии конца XV в. благодаря изданию сочинений римского поэта сначала во Флоренции в 1482 г., а затем и в других городах-государствах. Когда гуманист и писатель Лодовико Дольче (ок. 1510–1568 гг.) опубликовал в Венеции итальянский перевод «Искусства поэзии» в 1535 г., то он характеризовал в предисловии Орфея как убедительный пример силы воздействия поэзии, способной влиять не только на людей, но также на диких зверей, на деревья и камни [6. С. 40].

Французский гуманист Жак Лефевр д'Этапль (ок. 1450–1536), переведший Библию на французский язык, писал об Орфее, что он своей игрой и пением «смирлял страсти диких зверей». Это означало, что «посредством пения под аккомпанимент своей лиры он преобразовал дикие нравы и обычаи людей и привел их к уровню приемлемой гуманности» [11. С. 483]. В Англии критик и переводчик Уильям Вебб (ок. 1568–1591) в своем «Рассуждении об английской поэзии» утверждал, что если бы не поэзия, то люди все еще были бы подобны свирепым зверям. Однако Орфей, благодаря «чудесному дару своей небесной Поэзии, вырвал людей из неопределенности и бродяжничества и заставил их собраться вместе, и держать компанию, и делать дома, и кооперироваться» [8. С. 67].

Еще в Средние века Орфей стал образцом красноречия, а по представлениям гуманистов Возрождения риторика призвана была сыграть чрезвычайно важную общественную роль в воспитании людей и приобщении

их к цивилизации. Они считали, что функция знания заключается не в том, чтобы продемонстрировать истину определенных положений, а в том, чтобы сделать эту истину доступной для понимания многих людей и превратить ее в путеводный маяк на пути к добродетельной жизни и социальной гармонии [12. С. 500]. Основным инструментом в этом, по их мнению, и было искусство красноречия, которое обращалось не только к разуму человека, но также к его воле, придавая доводам разума живость, искренность и эмоциональную привлекательность.

Гуманисты следовали традиции Цицерона в том, что видели в фигуре оратора героя, который благодаря своему знанию, опыту и добродетели «способен и преступника привести к гибели, и невинного к спасению». Оратор «вялый народ оживляет, необузданный – укрощает»; в его силах «обличить и сокрушить страсти», а также утешить «в скорби» [13. С. 63]. Без его красноречия истина будет нема, знание никогда не дойдет до реалий повседневности, искусства не будут процветать, общество будет плохо организовано, справедливость может не восторжествовать, и зло не будет искоренено [12. С. 504].

Обучение ораторскому искусству, по мнению гуманистов, особенно полезно при подготовке деятелей государственного масштаба. Так, итальянский мыслитель и писатель Никколо Макиавелли в четвертой книге своего сочинения «О военном искусстве» писал, что «выдающиеся полководцы должны быть ораторами, ибо едва ли можно чего-нибудь добиться, если не умеешь говорить перед целым войском. В наше время это искусство совершенно исчезло. Прочтите жизнь Александра Великого, и вы увидите, как часто приходилось ему увещивать людей речами, образцовыми ко всему войску; без этого он никогда не мог бы провести по аравийским пустыням в Индию солдат, разбогатевших от военной добычи, среди величайших лишений и опасностей» [14. С. 125].

Французский автор XVI в. Жак Юро в «Рассуждениях о политике, морали и военном искусстве», отмечая силу воздействия риторики, которая «заставляет верить в те вещи, которые казались невероятными, и сглаживает вещи, которые были шероховаты», утверждает, что «это искусство настолько могущественное, что принц, имеющий столько людей в своем подчинении, никоим образом не может воздерживаться от него» [15. С. 7].

Таким образом, обучение красноречию – это путь к власти. Сочинения Цицерона об ораторском искусстве должны быть настольной книгой для честолюбивого человека, а Орфей – идеалом государственного деятеля, желающего влиять на умы и сердца людей [15. С. 7]. Поднимая авторитет риторики, гуманисты в образе Орфея нередко на первый план выводили его умение убеждать.

Артур Голдинг, автор перевода названного произведения Жака Юро на английский (1595), подчеркивал, что основа влияния Орфея на слушателей заключалась не в манере его речи, а в силе его убеждений, в аргументации: «В его учении была такая сила и привлекательность, что наиболее дикие, свирепые, неразумные,

грубые и сопротивляющиеся хорошим порядкам люди согласились уступить его доводам и жить благопристойно как соседи во всеобщем благополучии и справедливости, согласно законам» [15. С. 7]. Английский поэт Джеффри Уитни (ок. 1548 г. – ок. 1601 г.) в своей книге «Выбор эмблем» также утверждал, что если мы думаем, что это своей игрой Орфей творил чудеса, то мы себя обманываем: «Почему? Потому что, кроме своего искусства, он был образованным и мудрым. И мог приятностью своего языка людей всех сортов убедить» [15. С. 8].

Этот идеал красноречия, по мнению гуманистов, мог быть достигнут с помощью обучения риторике и логике, ставших основой гуманистического образования. Методика преподавания в классической средней школе стала основываться на подборе текстов античных и ренессансных авторов, прославившихся красноречием, таких как Цицерон, Квинтилиан, Сенека, Гораций, Эразм Роттердамский и Меланхтон [15. С. 8]. Учащиеся должны были выучивать отрывки из этих текстов наизусть; уметь произносить их вслух с соответствующими жестами и выражением; а также уметь составить свою собственную речь с учетом того, к кому и с какой целью эта речь была направлена.

Особое значение в обучении придавалось устной дискуссии, о которой Эразм говорил, что «благодаря такой практике могут быть достигнуты беглость речи и готовность говорить на любую тему» [16. С. 311]. Цель такого обучения состояла, согласно Вильяму Кемпу – преподавателю и автору книги «Воспитание детей в учении», опубликованной в Лондоне в 1588 г., в том, чтобы «подготовить мальчика в мастерстве в речи и добродетели в делах» [16. С. 312].

Несмотря на разницу во мнениях гуманистов в отношении полезности риторики для воспитания добродетели в учащихся, риторика в том виде, как ее изучали в классической английской средней школе в период позднего Возрождения, стала искусством формирования характера и воспитания учащихся на признанных образцах добродетели, одним из которых был Орфей [16. С. 298].

Так, Вильям Кемп считал безусловным, что науки, дисциплина и школьное образование прокладывают путь к цивилизованной жизни и воспитывают добродетельного человека. Орфей являлся его идеалом, и связь между красноречием и добродетелью для него была очевидна: «Орфей своей игрой... приручал диких зверей и заставлял камни двигаться по своему желанию: это значит, что в каждом деле своим красноречием и мудростью он смягчал жестокие манеры неразумных людей и подвигал их каменные сердца к добродетели» [15. С. 10].

Таким образом, для гуманистов Возрождения Орфей стал идеалом, символизирующим собой мудреца и пророка, ведущего за собой тех, кто ищет религиозную и философскую истину; музыкантом и поэтом, способным магическим образом влиять на природу и людей; оратором, способным силой своих доводов смягчить нравы и приобщить людей к добродетельной и общественно полезной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Friedman J.B.* Orpheus in the Middle Ages. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1970. 267 p.
2. *Boynston S.* The Sources and Significance of the Orpheus Myth in 'Musica Enchiriadis' and Regino of Prüm's 'Epistola de harmonica institutione' // *Early Music History*. 1999. Vol. 18. P. 47–74.
3. *Walker D.P.* Orpheus the Theologian and Renaissance Platonists // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1953. Vol. 16, № 1/2. P. 100–120.
4. *Warden J.* Orpheus and Ficino // *Orpheus, the Metamorphosis of a Myth* / John Warden (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 1985. 251 p.
5. *Walker D.P.* The ancient theology: studies in Christian Platonism from the fifteenth to the eighteenth century. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1972. 276 p.
6. *Langedijk K.* Baccio Bandinelli's Orpheus: A Political Message // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*. 1976. 20. Bd., Hf. 1. P. 33–52.
7. *Квинтилиан М.Ф.* Риторические наставления: В 2 ч. / Пер. с лат. А. Никольского. СПб.: Тип. Император. Рос. акад., 1834. Ч. 1. 486 с.
8. *Gros Louis K.R.R.* The Triumph and Death of Orpheus in the English Renaissance // *Studies in English Literature. 1500–1900*. Vol. 9, № 1. The English Renaissance (Winter, 1969). P. 63–68.
9. *Storey C.* The Philosopher, the Poet, and the Fragment: Ficino, Poliziano, and Le stanze per la giostra // *The Modern Language Review*. Jul., 2003. Vol. 98, № 3. P. 602–619.
10. *Горацій К.Ф.* Послание к Писонам об искусстве поэзии / Пер. с лат. А.В. Артюшкова // *Хрестоматия по античной литературе: В 2 т. М.: Просвещение, 1965. Т. 2. 592 с.*
11. *Wintroub M.* Civilizing the Savage and Making a King: the Royal Entry Festival of Henri II (Rouen, 1550) // *The Sixteenth Century Journal* 29 (1998): 467–496.
12. *Gray H.H.* Renaissance Humanism: The Pursuit of Eloquence // *Journal of the History of Ideas*. Oct.–Dec., 1963. Vol. 24, № 4. P. 497–514.
13. *Цицерон М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф.А. Петовкого, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Ладомир, 1994. 475 с.
14. *Макиавелли Н.* Военное искусство. М.: Воениздат, 1939. 256 с.
15. *Cochrane K.* Orpheus Applied: Some Instances of His Importance in the Humanist View of Language // *The Review of English Studies, New Series*. Feb., 1968. Vol. 19, № 73. P. 1–13.
16. *Christiansen N.L.* Rhetoric as Character-Fashioning: The Implications of Delivery's "Places" in the British Renaissance *Paideia* // *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. Summer, 1997. Vol. 15, № 3. P. 297–334.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 25 января 2011 г.